

УДК 130.2

**Духовность как политический регулятор:
методологические акцентировки****Носков Владимир Алексеевич**

Доктор философских наук, профессор,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: noskov@bsu.edu.ru

Мочалов Вадим Сергеевич

Аспирант,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: vadim.mochalov2013@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка дополнить методологию онтологической трактовки духовности ее деонтологической интерпретацией. Авторы исходят из того, что в рамках онтологической парадигмы феномен духовности характеризуется под углом зрения процессов перехода от имманентного к трансцендентному. Здесь, однако, не просматривается воздействие фактора духовности на мир социальной реальности. Данный пробел восполняется деонтологической парадигмой, позволяющей трактовать духовность в качестве регулятивной силы, становящейся политизированной духовностью – синтезом политики и духовности. С учетом данного обстоятельства, обозначаются методологические акцентировки, позволяющие выделить три основные ипостаси (формы) политизированной духовности – «анти-политизированную» духовность; «де-политизированную» духовность; «супер-политизированную» духовность. Данные ипостаси разграничиваются на основе критерия учета соотношения внутренних (побудительных) и внешних (стимулирующих) сил, оказывающих влияние на поведение социальных субъектов. Отсюда делается вывод, что чем в большей степени духовность «отягощена» политикой (регуляцией на основе учета интересов), тем в меньшей степени ее регулятивный потенциал представлен «внутренними» силами (регуляцией на основе учета ценностей), и наоборот.

Для цитирования в научных исследованиях

Носков В.А., Мочалов В.С. Духовность как политический регулятор: методологические акцентировки // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1А. С. 208-216.

Ключевые слова

Духовность, мировоззрение, политика, политизированная духовность, онтологическая парадигма, деонтологическая парадигма.

Введение

Общепринятые дефиниции духовности, как правило, не предоставляют возможность получить ответы на вопросы относительно регулятивного предназначения этого феномена, а также касательно конкретных форм, механизмов и способов духовного воздействия на различные сферы общественной жизни. И дело не в том, что это ошибочные дефиниции, а в том, что они изложены в рамках онтологического (констатирующего), а не деонтологического (регулятивного) объяснения и осмысления данной проблемы.

Все определения духовности, в той или иной степени, сводят данный феномен к трансцендированию – переходу от «приземленного» мира к «возвышенному» миру. На языке философии это означает признание транзита общества или какой-либо его составляющей (личности, группы, института) от имманентного (посюстороннего) к трансцендентному (потустороннему) бытию. При данном подходе, однако, не хватает того, что характеризует связь духовных процессов с другими процессами и явлениями общественной жизни, будь это воздействие первых на вторые или, наоборот. Духовность в таком случае может пониматься не только в онтологическом (с точки зрения констатации бытия), но и в деонтологическом (с точки зрения изменения бытия) ключе. В последнем случае речь идет о трактовке духовности как регулятивной (политической) силы.

Суть и предназначение деонтологической трактовки духовности

С точки зрения *онтологической трактовки* духовность выступает двояко, а именно: как *заданная реальность*, т.е. воспроизводимые конкретными людьми и социальными группами ценностные принципы, ориентиры, запросы, устремления и действия (*субъективированное духовное*); как *данная реальность*, т.е. существующий ценностный мир с его заповедями, требованиями и правилами игры, с которыми необходимо считаться (*объективированное духовное*). Эти два способа выражения духовности тесно переплетаются, переходят друг в друга, образуя противоречивое единство. В первом случае речь идет о внутреннем мире человека, то есть о побуждениях, мотивах и целях, определяющих природу его духовности, во втором – об объективированных, то есть документально оформленных идеях, идеалах, нормах и ценностях научного, культурного и иного плана, что можно подтвердить, например, ссылаясь на Г. Гегеля: «Объективный дух... стоит на почве конечности, поскольку его действительная разумность сохраняет в себе сторону внешнего проявления» [Гегель, 1977, 326].

Переход же от онтологической к деонтологической трактовке духовности означает перенос «центра тяжести» исследовательского внимания с констатации бытийного статуса этого явления на то, что это бытие соотносится с «другим» бытием, выступая по отношению к последнему как регулятивная сила. Это означает, что в рамках деонтологической парадигмы ведущую роль играет не понятие «духовность», а понятие «политизированная духовность».

Как представляется, деонтологическая парадигма духовности должна основываться на методологическом допущении, согласно которому регулятивный потенциал духовных сил как бы разлит по всему социальному организму, не всегда выступая в своих явных проявлениях, формах и конфигурациях. Это, однако, не означает отказ от попыток структурировать сам процесс регулятивного воздействия на общество, т.е. выделить в нем какие-либо «части» в рамках его трактовки как целого, руководствуясь, при этом, методологической подсказкой выдающегося отечественного философа А.Ф. Лосева: «Целое невозможно без его частей, но оно может содержать эти части в себе потенциально, а отнюдь не в виде фактического и

материального существования» [Лосев, 1988, 300]. Применительно к обозначенной проблеме «целое» – это политизированная духовность как таковая, а «части» – ипостаси бытия этой духовности. Если предположить, что духовность находится под воздействием политики, то можно выделить ее (духовности) «первичную», «вторичную», «третичную» ипостаси. Данный контекст имеет следующий смысл: по мере отхода от «первичной» ипостаси (формы) регулятивная роль политики возрастает, и, наоборот.

Таким образом, в качестве основы для выделения первичной ипостаси политизированной духовности берется «упрямый факт» – именно то, что в любом обществе укоренено человеческое стремление соотнести текущую повседневность, «суровую прозу» жизни, динамично изменяющиеся социальные, политические, исторические и иные обстоятельства с чем-то вечным, потусторонним, стоящим вне искушений, посулов и соблазнов, порожденных несовершенством «этого» (земного) мира. Подобная интенция превращает дух (духовность) в регулятивную силу, причем, силу особенную, ибо, как подчеркивает русский философ Ильин И.А., «дух имеет силу и власть *создавать формы и законы своего бытия*, творить себя и способы своей жизнедеятельности». [Ильин, 1993, 95]. Но само это творчество духа становится своеобразным спусковым крючком, запускающим более «приземленные», т.е. политически ангажированные процессы, механизмы и формы духовного регулирования как применительно ко всему обществу, так и касательно его составляющих – отдельных индивидов, социальных классов, сообществ, слоев и групп. Здесь важно исходить из принципиального допущения, а именно, из того, что квинтэссенция духовности заложена именно в ценностях (анти-политизированной духовности), а не в интересах (супер-политизированной духовности), ибо, если первые утверждают всеобщее в мире единичного бытия, то вторые, наоборот, утверждают единичное в общем (Гегель).

Однако политизированная духовность нуждается в более развернутой характеристике. Исходя из этого напрашиваются следующие шаги (действия) методологического характера: (1) трактовать духовность и политику как взаимопроникающие, воздействующие друг на друга силы, образующие новую силу – политизированную духовность; (2) эту новую силу интерпретировать с точки зрения воплощения ею регулятивно-управленческой роли по отношению к социальной реальности; (3) на основе единого критерия обозначить основные ипостаси (формы) регулятивного предназначения политизированной духовности.

В рамках первого методологического шага актуализируется трактовка политики как воплощения того, что, по мнению В.В. Ильина и А.С. Панарина, есть «компонент общественного сознания, которое, если брать его синкретически, есть мыслительная сфера, представляющая *духовное воссоздание* (курсив наш) социальных проявлений» [Ильин, Панарин, 1994, 11]. Подобное взаимопроникновение политики и духовности носит *атрибутивный (неизбежный) характер*, что приводит к появлению синергетического феномена – политизированной духовности (или одухотворенной политики).

Второй методологический шаг состоит в признании того, что политизированная духовность выполняет *регулятивную (управленческую) роль* в деле упорядочивания, структурирования социальной реальности. Суть политики, как известно, заключена во власти, которую «можно определить как способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своим намерением» [Ледяев, 2000, 108]. Иными словами, политика равнозначна управленческому воздействию субъекта на объект. Здесь, однако, необходимо признать аналогичную роль и за духовностью, поскольку «духовные побуждения подчас могут оказываться не менее значимыми в плане индивидуальной мотивации, чем материальные интересы» [Здравомыслов, 1986, 167].

Духовные «побуждения» также регулятивно ангажированы, с той лишь разницей, что они, в отличие от политического «стимулирования», опираются преимущественно на «внутреннюю», а не на «внешнюю» силу. «Внутренняя» сила подразумевает валюативное (ценностное) регулирование, а «внешняя» сила – директивное (приказное) регулирование [Носков, 2012, 50]. Получается, что «внутренняя» сила есть прерогатива духовности, тогда как «внешняя» сила воплощена в политике. В сухом остатке получается, что политика и духовность органически взаимосвязаны, предполагают друг друга, образуют единую реальность – политизированную духовность, олицетворяющую своего рода «менеджмент» по отношению к социальной реальности.

Третий методологический шаг направлен на поиск единого критерия выделения основных ипостасей (форм) политизированной духовности, имея в виду наложение, пересечение их регулятивных потенциалов, благодаря чему и достигается искомый результат – полноценное бытие человека. Данный критерий, как представляется, может основываться на учете степени политизированности духовности. Логика такова, что в рамках духовности соотносятся внутренние (побудительные) и внешние (стимулирующие) силы, оказывающие влияние на поведение социальных субъектов. Поэтому чем в большей степени духовность «отягощена» политикой (регуляцией на основе учета интересов), тем в меньшей степени ее регулятивный потенциал представлен «внутренними» силами (регуляцией на основе учета ценностей) и, наоборот. Иначе говоря, с учетом данного обстоятельства, носители социального поведения тяготеют либо к ролям «субъектов» (духовность), либо к ролям «объектов» (политика). Поэтому степень политизированности духовности прямо пропорциональна возрастанию роли и значения «объективного» по отношению к миру «субъективного». Разумеется, процессы политизации духовности необходимо понимать диалектически, т.е. признавать то, что регулятивный потенциал предыдущих форм политизированной духовности в снятом виде переходит и в последующие ее формы.

На основе вышеизложенного, можно обозначить следующие ипостаси политизированной духовности: (1) «анти-политизированная» духовность; (2) «де-политизированная» духовность; (3) «супер-политизированная» духовность. В первой своей регулятивной ипостаси духовность означает доминирование ценностей «ухода», во втором – ценностей «реагирования», в третьем – ценностей «активности». Ценности «ухода» побуждают человека приобщаться к «трансцендентному» миру, ценности «реагирования» – приспособляться к «имманентному» миру, ценности «активности» – созидать «новый» мир. Эти ценностные миры (ипостаси) органически взаимосвязаны, воплощая собой политическую природу духовности, или, выражаясь по-другому, ее регулятивную ангажированность. Вне этого допущения невозможно понять регулятивную роль духовности, взятой именно как единый организм, а не как показатель механической суммы составляющих ее элементов (ипостасей).

Основные ипостаси политизированной духовности: специфика и взаимосвязь

В свете сказанного предполагается трактовка регулятивных ипостасей духовности с точки зрения их специфики и органической взаимосвязи. В своей «анти-политизированной» ипостаси духовность выступает как «единство многообразного, которое охватывает процессы сознания и бессознательного (тоже многообразные по конкретным формам своего существования и проявления), включает знания, воплощающиеся, материализующиеся в формах естественных

языков и искусственных знаково-символических систем» [Фролов, 1989, 40]. Как можно убедиться, данная дефиниция вписывается в деонтологическую парадигму, если угодно, «по касательной», так как здесь главный смысл видится в констатации наличия фактора духовности, но никак не в выяснении его места и роли в обществе в качестве регулятивной силы. Однако, в этом качестве духовная реальность все же присутствует, воплощая собой, с одной стороны, *непреходящие ценности, идеалы, цели*, стремление к которым уже запускает процессы становления и развития личностных качеств человека, его обустройства в окружающем мире, а, с другой – *непостижимый и таинственный космос*, который опять-таки самим фактом своего существования оказывает влияние на человека в его стремлении разгадать этот космос, понять его во всей полноте и глубине. Подобное регулятивное влияние свидетельствует о том, что «анти-политизированная» духовность, по сути, есть «чистая» духовность, влияющая на социальные субъекты посредством наделения их мотивами (желаниями) приобщиться к *истине* – высшим смыслам, заложенным в трансцендентных ценностях. Истина есть прерогатива «чистой» («анти-политизированной») духовности, понимаемой с точки зрения ее регулятивной роли, ибо «цель духа как сознания состоит в том, чтобы это свое явление сделать тождественным со своей сущностью, *поднять достоверность самого себя до истины*» [Гегель, 1977, С. 223].

Следовательно, в рамках «анти-политизированной» ипостаси духовности политика с точки зрения своего регулятивного предназначения играет роль не «центра», а «периферии», поскольку здесь речь не идет о приобщении человека к *вечным (трансцендентным) ценностям*, неподвластном политической конъюнктуре. В данном контексте регулятивная ангажированность духовности проявляется именно в стремлении вырваться за границы наличной социальной реальности, определяющейся «естественными» потребностями, интересами, запросами, находящимися в сфере влияния политики. Но само это стремление есть по своей сути скрытое, опосредованное, завуалированное воздействие на социальную реальность с целью ее приближения, приобщения к высшим ценностям и смыслам.

По сути, «анти-политизированная» духовность тождественна *метафизике* норм и принципов, воздействующей на человеческое общение, но нуждающейся, однако, в *физике* этих норм и принципов – их эмпирических аналогах. Здесь уместно привести упрек, брошенный Ф. Ницше в адрес традиционной философии, для которой, по его мнению, характерна приверженность «высоко парящей метафизики и такая боязнь незначительных с виду решений физики» [Ницше, 2005, 200]. В рамках обозначенной нами проблемы, переход от «метафизики» и «физике» есть ни что иное, как стремление дополнить «первичную» ипостась политизированной духовности ее «вторичной» и «третичной» ипостасями (вариациями). Дело в том, что «анти-политизированная» духовность оказывает лишь *формальное влияние* на индивидуальные и социальные формы самовыражения человека. Иными словами, данная ипостась политизированной духовности жестко не привязана к социально-историческим условиям, что делает ее регулятивный потенциал в какой-то степени *искусственным*, не получающим своего содержательного наполнения. Однако, вне этого, регулятор не может стать *естественным*, получающим подпитку, по выражению М. Хайдеггера, в генетической наследственности, в окружающей среде, общении, влиянии климатических, этнических и других факторах [Хайдеггер, 2001, 294].

Но стремление к «естественной» своей регулятивной ипостаси делает духовность, в какой-то степени, «конъюнктурной» – нацеленной на осмысление всей истории человечества, его познавательной и преобразовательной деятельности, нравственных и культурных ориентиров.

Это и есть «вторичная ипостась» регулятивного предназначения духовности – «деполитизированная» духовность. В рамках данной ипостаси конъюнктура еще стремится к «возвышенному», тяготеет к ценностям «ухода», правда, с акцентом не в сторону отдаления от «этого» мира, а в сторону тяготения к политической конъюнктуре «этого» мира. «Деполитизированная» духовность, по сути, выступает как мировоззрение, т.е. есть «система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации» [Спиркин, 1983, 375].

В понятии «мировоззрение» фигурируют «мир» и «воззрение» как две принципиальные акцентировки (И.Т. Фролов), что формирует у человека целостное представление о мире и его месте в нем. Духовность в этом отношении становится «конъюнктурной» в том смысле, что она ориентирует человеческое сообщество и отдельных людей не столько на «запредельные» смыслы и идеалы, сколько на то, что востребовано в «этом» мире и, следовательно, помогает адаптации, приспособлению к его нормам, требованиям и правилам игры. Поэтому «деполитизированная» духовность подразумевает запрос общества на *человека-реалиста*, соотносящего свою активность со сложившимися социальными, политическими, историческими и иными контекстами, ибо «каждое общество имеет свое представление о реальности, о мире, о самом себе, о природе и что все это воплощается и выражается в своеобразных словах, языковых формулах, институтах» [Берлин, 2002, 11].

Этот «реализм» еще носит теоретический характер, но, будучи привязанным к социальной практике, запускает процессы трансформации «вторичной» политизированной духовности в третичную ее ипостась – «супер-политизированную» духовность. Соответственно, мировоззрение «расщепляется» на мировоззренческие (ценностные) ориентации – предельно политизированные духовные инструменты обустройства человека в социальном мире, ориентирующие на «аутентичное» прочтение человеком динамично изменяющихся социальных условий его жизнедеятельности. По мнению В.А. Ядова, именно ценностные ориентации в рамках иерархической системы – диспозиции человека – реализуют свою роль в качестве интегрирующего фактора мировоззрения человека [Ядов, 2013, 169]. Эти ценностные ориентации атрибутивно отягощены политическим контекстом, ибо, являясь инструментом духовного воздействия, они, в свою очередь, сами есть продукт целенаправленных (политических) действий, основанных на учете подверженных конъюнктуре социальных интересов.

Выше охарактеризованные ипостаси политизированной духовности олицетворяют собой и *кумулятивный*, и *экспрессивный* эффекты их регулятивного воздействия. С точки зрения кумуляции, заключенная в духовности энергия (мотивация) движется от практики решения многообразных, исторически обусловленных социальных проблем («супер-политизированная» духовность) к их осмыслению, освящению на основе привязке к «чистой» духовности – вечности («анти-политизированная» духовность). С точки же зрения экспрессии все происходит наоборот, а именно, регулятивная сила «чистой» («анти-политизированной») духовности материализуется, выплескивается в соответствующие социальные практики, действия и поступки («супер-политизированную» духовность). В обоих случаях, как нетрудно заметить, третья регулятивная ипостась – «де-политизированная» духовность – играет роль связующего звена между выше обозначенными полюсами (ипостасями) регулятивного воздействия.

По большому счету так и «работает» политизированная духовность, которая, будучи:

привязанной к «политическому» контексту, являет собой «аутентичную» регуляцию, ориентированную на требования той или иной исторической и социальной ситуации; привязанной к «физическому» контексту становится «глобальной» регуляцией, расширяющей сферу своего влияния до масштабов всего социального мира; привязанной к «метафизическому» контексту, становится регуляцией процессов разрыва с социальным миром, ухода от «этого» мира и приобщения к «иному» миру. Вне этого допущения, по большому счету, невозможно выявить регулятивное предназначение как политизированной духовности в целом (в единстве всех ее форм), так и каждой из ее форм (ипостасей) в частности.

Поскольку любая регуляция основывается на триаде «цель-средство-результат», то, экстраполируя это на политизированную духовность, можно прийти к следующим методологическим акцентировкам: цель – трансцендентные ценности, средство – уход от этого («земного») мира, результат – человек «святой» = «анти-политизированная» духовность; цель – имманентные ценности, средство – реагирование на этот («земной») мир, результат – человек «реактивный» = «де-политизированная» духовность; цель – повседневные ценности (интересы), средство – воздействие на этот («земной»), результат – человек «активный» = «супер-политизированная» духовность. Данные методологические акцентировки подчинены доказательству обратно пропорциональной зависимости политики и духовности по отношению друг к другу: чем больше регулятивный потенциал у одной из этих сил, тем меньше этот потенциал у другой. Вместе с тем, каждая из этих сил не существует в автономном режиме, а де-факто стремится к образованию различных регулятивных синтезов/союзов/альянсов с другой силой.

Заключение

Рассмотренные выше регулятивные ипостаси духовности органически взаимосвязаны, ибо стремление к «запредельным» ценностям («анти-политизированная» духовность) осуществляется не в вакууме, а в рамках конкретно складывающихся обстоятельств исторического и социального плана («де-политизированная» духовность), которые, в свою очередь, трансформируются в конкретные регулятивные паттерны освоения и преобразования мира – «супер-политизированную» духовность. По сути, речь идет о фундаментально прописанных в обществе трех политически ангажированных программах духовного (само)регулирования бытия человека.

Библиография

1. Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе. М.: Канон+, 2002. 800 с.
2. Гегель. Философия духа // Гегель. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1977. Т.3. 471 с.
3. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 37-282.
5. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М.: Изд-во МГУ, 1994. 283 с.
6. Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. 2000. № 1. С. 97-107.
7. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с.
8. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Так говорил Заратустра. СПб.: Азбука-Аттикус, 2005. С.189-409.
9. Носков В.А. Власть и общество: политико-культурный аспект взаимодействия // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139). Вып. 22. С. 49-57.
10. Спиркин А.Г. Мировоззрение // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
11. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.

12. Фролов И.Т. Введение в философию. М.: Политиздат, 1989. Ч. 2. 639 с.
13. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013. 376 с.

Spirituality as a political regulator: methodological emphasis

Vladimir A. Noskov

Doctor of Philosophy, Professor
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: noskov@bsu.edu.ru

Vadim S. Mochalov

Postgraduate,
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: vadim.mochalov2013@yandex.ru

Abstract

The scientific research performed in this article attempts to supplement the methodology of the ontological interpretation of spirituality by its deontological interpretation. The authors proceed from the fact that within the framework of the ontological paradigm the phenomenon of spirituality is characterized from the point of view of the processes of transition from the immanent to the transcendent. Here, however, the impact of the spirituality factor on the world of social reality is not visible. This gap is filled with the deontological paradigm, which allows to interpret spirituality as a regulative force, becoming a politicized spirituality, which is a synthesis of politics and spirituality. Taking into account this circumstance, methodological accents are designated, which allow to distinguish three basic hypostases (forms) of politicized spirituality, as "anti-politicized" spirituality; "de-politicized" spirituality; "a super-politicized spirituality. These hypostases are demarcated on the basis of the criterion of taking into account the correlation of internal (incentive) and external (stimulating) forces that influence the behavior of social actors. Hence, the conclusion is drawn that the more spirituality is "burdened" by politics (regulation based on the consideration of interests), the less its regulatory potential is represented by "internal" forces (regulation based on values) and vice versa.

For citation

Noskov V.A., Mochalov V.S. (2018) *Dukhovnost' kak politicheskii regulyator: metodologicheskie aktsentirovki* [Spirituality as a political regulator: methodological emphasis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (1A), pp. 208-216.

Keywords

Spirituality, world outlook, politics, politicized spirituality, ontological paradigm, deontological paradigm.

References

1. Berlin I. (2002) *Podlinnaya tsel' poznaniya. Izbrannyye esse* [The real goal of knowledge. Selected essays]. Moscow: Kanon+ Publ.
2. Frolov I.T. (1989) *Vvedeniye v filosofiyu* [Introduction to philosophy]. Moscow: Politizdat Publ. Part 2.
3. (1977) Hegel. *Filosofiya dukha* [Philosophy of the Spirit]. In: Hegel. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 3.
4. Heidegger M. (2001) *Osnovnyye problemy fenomenologii* [The main problems of phenomenology]. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ.
5. Il'in I.A. (1993) *Put' dukhovnogo obnoveniya* [The path of spiritual renewal]. In: *Sobraniye sochinenii* [Collected works]. Moscow: Russkaya kniga Publ. Vol. 1.
6. Il'in V.V., Panarin A.S. (1994) *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. Moscow: MSU.
7. Ledyayev V.G. (2000) *Vlast': kontseptual'nyy analiz* [Power: a conceptual analysis]. *Polis*, 1, pp. 97-107.
8. Losev A.F. (1988) *Derzanie dukkha* [Daring of spirit]. Moscow: Politizdat Publ.
9. Nietzsche F. (2005) *Chelovecheskoye, slishkom chelovecheskoye* [Human, too human]. In: *Tak govoril Zaratustra* [So spoke Zarathustra], St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ.
10. Noskov V.A. (2012) *Vlast' i obshchestvo: politiko-kul'turnyi aspekt vzaimodeystviya* [Power and Society: Political and Cultural Aspect of Interaction]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Statements of BelsU. Series: Philosophy. Sociology. Law], 22, pp.49-57.
11. Spirkin A.G. (1983) *Mirovozzreniye* [World outlook]. In: *Filosofskii entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya Publ.
12. Yadov V.A. (2013) *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: Dispositional concept]. Moscow.
13. Zdravomyslov A.G. (1986) *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti* [Needs. Interests. Values]. Moscow: Politizdat Publ.